

не нашлось необходимого количества динамита для гарантированного уничтожения цели²⁴, — чрезвычайные полномочия получил генерал-адъютант гр. М.Т. Лорис-Меликов, убедивший императора в целесообразности совмещения репрессий и либеральной политики. Однако смерть Александра II от метательных снарядов «Народной воли» не позволила осуществить намеченные преобразования.

Незавершённая монография талантливого историка зайдёт достойное место в отечественной историографии. Ю.А. Пелевин убедительно показал лидерство Михайлова на заключительном этапе деятельности «Земли и воли» и в начале борьбы «Народной воли», а проведённый им многомерный анализ важнейших событий, связанных с движением революционных народников, вновь заставляет размышлять о внутренней логике их противостояния с самодержавной властью.

Василий Зверев: «Беспочвенные мечтания» или революционная альтернатива?

Vassiliy Zverev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Groundless dreams» or a revolutionary alternative?

DOI: 10.7868/S3034579025060079

Издание книги Ю.А. Пелевина «Александр Михайлов и его революционная эпоха» нельзя не приветствовать. В последние десятилетия на фоне интенсивного исследования истории русского либерализма и консерватизма революционные идеиные течения и движения вольно или невольно оказались в положении «нелюбимого дитяти». Во всяком случае, после перенесённых Россией революций выражать к ним симпатии как-то не совсем в духе времени. Уже поэтому работа, претендующая на концептуальное осмысление во многом переломной для страны эпохи, важна и значима.

При этом её ценность лишь возрастает от того, что сущность событий, идеиных споров и поисков революционеров раскрывается в ней через изучение, в первую очередь, изломов человеческой судьбы одного из незаурядных семидесятников — А.Д. Михайлова. Тем самым она возвращает нас к вопросу, живо обсуждавшемуся ещё в конце XIX в.: почему лучшие представители молодёжи, наделённые талантами и выдающимися качествами, нередко презирали желанную для многих карьеру в государственных учреждениях и избирали служение народу, не сулившее никаких благ и привилегий, кроме славы «народного заступника, чахотки и Сибири»? Любопытно, кстати, что современные «сладкоголосые птицы» самодержавия, привычно демонизирующие революционеров, не спешат героизировать их противников. Да и кто из них этого заслуживает? Ф.Ф. Трепов? Г.П. Судейкин?

²⁴ А.А. Филиппов,ober-фейерверкер в запасе, служивший на Охтинском пороховом заводе, в 1926 г. вспоминал: «Теперь прошло уже более 40 лет, но я очень хорошо помню свой разговор с [М.Ф.] Грачевским при первом же нашем свидании после взрыва в Зимнем дворце. На моё замечание, что заложено было мало динамита, Грачевский ответил, что все запасы не решились использовать потому, что не было полной уверенности в успехе» (Филиппов А.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. Стб. 487).

Монография Пелевина позволит пытливому читателю избавиться от бытующих, к сожалению, и поныне стереотипов, мифологем и идеологем, кажущихся порою такими убедительными. Помогут этому и выполненные на высоком профессиональном уровне научные комментарии Г.С. Кана, дополняющие и уточняющие текст автора, не успевшего завершить свой труд.

Тем не менее у работы имеются и недочёты. Просопографический подход весьма заманчив и вполне оправдан, но только в том случае, если в достаточной мере обеспечен источниками. Однако о жизни Михайлова этого сказать нельзя. Неудивительно, что в книге сведения о революционной деятельности народников явно превалируют над собственно биографическим материалом. Возможно, её точнее было бы назвать «Революционная эпоха 1870-х – начала 1880-х гг. и Александр Михайлов». Несколько искусственно выглядят и включённые в её структуру две «прелюдии», «интерлюдия» и «постлюдия», которые немного оживляют традиционные формулировки глав и разделов, но смотрятся скорее как «излишства».

Повествование Пелевина отличается точностью и вниманием к деталям, бережным отношением к частностям. Автор приводит немало примеров несопадения взглядов революционной молодёжи и умонастроений крестьянства, охотно указывает на ошибки, допущенные народниками, пытавшимися прорваться к чувствам сельских жителей. Однако в тексте явно недостаёт более широкой характеристики крестьянского мировосприятия с его природным консерватизмом, наивным монархизмом и общинным колlettивизмом. Об этом говорится мимоходом и без всякой системы. Между тем данные черты существенно влияли на взаимоотношения народнической интеллигенции с «работным людом» и в деревне, и в городах.

Избегал Пелевин и анализа революционной идеологии. Но что бы ни говорилось о стратегии и тактике радикалов, в начале её всё-таки было *слово*. Поэтому удивляет отсутствие в книге хотя бы кратких экскурсов в творчество родоначальников народничества А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. Не рассмотрены в ней и идейные искания М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачёва. А это было необходимо сделать хотя бы для того, чтобы наглядно и доказательно продемонстрировать: настольной книгой для семидесятников стали «Исторические письма» Л. Миртова, а не «Катехизис революционера» С.Г. Нечаева. В 1870-е гг., конечно, не существовало чисто бакунистских, лавристских или ткачевистских организаций. Революционеры по-разному сочетали различные идеи и концепции. Но игнорировать влияние идеологов «действенного народничества» на практиков недопустимо.

При изложении фактов автор придерживается их объективистского прочтения, собственного В.Я. Яковлеву (Богучарскому), подходы которого в значительной мере устарели. Историк пытается играть роль третейского судьи, поднимающегося над схваткой для вынесения беспристрастного вердикта. «Здесь я не собираюсь, – пишет Пелевин, – выступать адвокатом ни одного из дьяволов – оправдывать правительственный или революционный лагерь. Неправомочны и те, и другие... Насилие невозможно победить насилием, ибо суть его остаётся прежней» (II, с. 91).

Трудно сказать, чего больше в данном заявлении – принципиальной убеждённости в бесконфликтности общественного прогресса или исторической близорукости. Возможно, и того, и другого поровну. Какие эпохальные события происходили без насилия? В основе любой масштабной трансформации всегда

лежит конфликт, столкновение интересов и последующие целенаправленные преобразования, которые не могут не встречать сопротивления, борьбы, и завершаются частичной или абсолютной победой одной из сторон.

По своей сути революция и реформа – два способа выхода из охватившего общество кризиса. Каждый из них имеет свою логику действий и соответствующие ей средства. Революционная альтернатива отдаёт предпочтение социальному взрыву, стихийной коррекции развивающихся процессов. Сторонники реформ обычно избегают слишком высокой цены потрясений и стараются разрешить назревшие противоречия путём компромисса. Но несмотря на разницу в ценностях, в степени радикализма, в широте охвата различных сторон жизни и в вовлечённости в её переустройство народных масс, и революционеры, и реформаторы остаются преобразователями. В сущности, границу между ними определяют цели их деятельности, а также соотношение традиционности и новаторства.

Революционеры склонны оценивать прошлое как тяжёлый и в значительной мере ненужный груз. Реформаторы, считаясь с прогрессом или приветствуя его, в то же время не отрекаются от «наследства» и пытаются критически и выборочно его использовать. То, в «какой пропорции» это делается, разделяет их, в свою очередь, на радикалов, умеренных и консерваторов. Каждая из этих групп, следуя собственным представлениям о совмещении традиций и новаций, предлагает способы осуществления перемен и в разное время так или иначе влияет на общественное мнение.

Накануне реформ всех их объединяет стремление предотвратить социальный взрыв при помощи проведения неотложных мер. Однако в дальнейшем сказываются различия во взглядах и в оценке сделанного, что приводит к серьёзным расхождениям. При этом кризис острее всего ощущается интеллигенцией, а первые шаги к реализации реформ делают наиболее дальновидные представители власти.

Гипотетически возможны несколько вариантов развития событий: успех намеченных преобразований, их провал и «революция снизу», свёртывание реформ и переход к консервативной стабилизации. Для того, чтобы воплотить задуманное, необходимо иметь чёткое представление о конечном результате реформ и заручиться поддержкой той части населения, которая им сочувствует, обеспечив тем самым необходимый социальный мир. Требуются также максимальная концентрация сил, выигрыш времени и, наконец, совместимость новых идей с основами мировоззрения и психологией народа. В противном случае глухое недовольство масс, постепенно накапливаясь и усиливаясь, становится питательной средой радикализма.

Нерешительность и непоследовательность правительства, желание не столько изменить, сколько сохранить вековые устои приводят к обратному результату и ещё туже затягивает узел противоречий. Консервативное реформаторство становится реакцией на ошибки и просчёты предшественников. Его идеологическое оформление зачастую проще, доступнее и понятнее для большинства населения страны, чем неопределённые заявления радикалов и колебания умеренных либералов. Однако со временем страна сталкивается с новым комплексом проблем, дополненных и обострённых политикой национализма и патернализма, и революция оказывается неизбежным следствием провала предыдущих попыток эволюционного продвижения в будущее. Как утверждал В.М. Чернов, «оправдание революции – не в выигрыше во времени и не

в экономии сил. И то, и другое проблематично. Её оправдание, высшее и бесспорное, в том, что она является единственным способом двинуться вперёд там и тогда, когда и где упрямство и слепота господствующих, командующих групп или классов пытается глухою стеной остановить мощное и неудержимое историческое движение»²⁵.

Особенность генезиса и развития народничества состояла в том, что потенциал петровских преобразований к середине XIX в. был в значительной степени исчерпан. Страна вступила в полосу кризиса, чему способствовало и то, что образованному меньшинству в системе государственного управления отводилась исключительно исполнительная роль. Но со второй половины XIX в. ещё только формировалось общество вступило в схватку с государством, требуя равной ответственности за будущее страны. Всё же пожеланий был весьма разнообразен — от гарантии прав и свобод до кардинальных социально-экономических и политических преобразований.

В 1860–1870-х гг. революционеры, набирая силу, опережали собственное время и выдвигали социалистические проекты, казавшиеся утопическими. Никак нельзя согласиться с Пелевиным в том, что «программа, выдвинутая ИК, была буржуазно-демократической». По его мнению, «бессспорно, что люди, за неё боровшиеся, в первую очередь Михайлов, искренне мечтали о социализме, были до конца преданы этой идее, шли за неё на смерть, но выбранные ими пути были утопичны и могли привести, в лучшем случае, только к созданию прогрессивного буржуазного общества» (II, с. 289). Однако утопичность свойственна любой общественно-политической доктрине, а не только народнической. Хотя, разумеется, и у народников можно обнаружить утопии нескольких типов. Например, «утопию ордена», объединяющую, согласно классификации Е. Шацкого, друзей и единомышленников. Особенность её в том, что «орден не изменяет мира — он создаёт в нём остров»²⁶. Но, по сути, «это створение общественного мира заново», когда «из общественного окружения выделяется группа людей, связанных ценностями, для которых в нём нет места. Так возникает государство в государстве, общество в обществе, во многих отношениях противостоящее действительности, из которой оно выросло»²⁷. Но были характерны для них и героические «утопии политики», нацеленные на замену «плохого» общества «хорошим». Причём, как отмечал Шацкий, «если другие типы утопии позволяют сохранить “чистые руки”, то здесь их нельзя не запачкать. Утопист-политик... принимает участие в игре, правила которой установлены без него... Чтобы уничтожить существующий мир, он должен так или иначе участвовать в нём. Отсюда известные парадоксы утопической политики: террор, применяемый из любви к людям и ненависти к насилию, войны, ведущиеся во имя мира без войн, ложь, существующая расчистить путь в царство Истины. Утопия политики, таким образом, находится в одном шаге от самоуничтожения и, безусловно, в любом из своих воплощений оказывается самой недолговечной. Но именно через неё утопия сближается с реальной историей»²⁸. Более того, порою она и воплощается в исторической реальности, и уже в силу этого подобные представления являются не «бес почвенными мечтаниями», а существенным элементом общественного бытия.

²⁵ Чернов В. Рождение революционной России. Париж, 1934. С. 29.

²⁶ Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 53–54, 57–58.

²⁷ Там же. С. 122, 125.

²⁸ Там же. С. 59.

Что же касается программы Исполнительного комитета «Народной воли», которая якобы прокладывала путь к созданию «прогрессивного буржуазного общества», так ведь именно с либералами социалисты-народники вели самую ожесточённую полемику, считая их своими злейшими врагами, чьи установки абсолютно неприемлемы.

Мария Барабанова: Александр Дворник

*Maria Barabanova (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Alexander the Janitor (Dvornik)*

DOI: 10.7868/S3034579025060082

Среди революционеров 1870-х гг. самое заметное, но отнюдь не наиболее известное лицо — А.Д. Михайлов, пользовавшийся конспиративным прозвищем «Дворник». Вряд ли современные историки вспомнят о нём раньше, чем о его товарищах — А.И. Желябове, С.Л. Перовской и В.Н. Фигнер. Между тем его роль в революционном движении трудно переоценить, и двухтомный труд Ю.А. Пелевина, ученика профессора М.Г. Седова, ясно демонстрирует это.

Особое внимание он обращает на домашнюю обстановку, в которой вырос Михайлов. Воспоминания народников, если они вообще пишут о своём детстве, переполнены рассказами о неприятии, лицемерии, лжи, насилии и общей нелюбви. Не так было в семье Михайловых — крепкой, любящей и демократичной, где не ощущалось родительского диктата, но поддерживалась атмосфера уважения к самостоятельности растущей личности. Вероятно, благодаря такому воспитанию мальчик вырос остро чувствующим несправедливость человеком. Уже в гимназические годы своё будущее он, пока ещё абстрактно, связывал с общественно-полезной деятельностью. Однако Технологический институт, где в 1870-х гг. ужесточалась дисциплина и вводилась мелочная регламентация, очень быстро его разочаровал. «Зачем мне предметы института, — писал позднее Александр Дмитриевич, — когда сам он не признавал во мне человека и считал насилие и принуждение лучшим средством высшего образования?» (I, с. 191). О чинах и карьере Михайлов не думал, и после студенческих волнений 1875 г. был исключён и выслан в родной Путивль. Там он находился под надзором полиции, которая, по словам отца, «обходилась с ним как с колодником... он плакал, оправдывался в своей невиновности, но кто мог сочувствовать ему? Кто мог поверить его невиновности?... Он, бедный, всё переносил со святым терпением, втихомолку плакал, видимо худел и страдал» (I, с. 199). Типичная для пореформенной эпохи картина: мечтательный и свободолюбивый юноша искренне загорается идеей бескорыстного служения на благо общества и страны, честно ищет себе поприще, но не находит ничего соответствующего своим высоким идеалам, пытается вести себя по совести и встречает жёсткий отпор со стороны власти, которая, по сути, его отталкивает. Через нечто подобное прошло абсолютное большинство будущих радикалов.

Особенно ярко описана в книге жизнь Михайлова среди раскольников в 1877–1878 гг. Опыт первой волны «хождения в народ» показал, что склонить крестьян к немедленному бунту не удастся, а потому необходима «оседлая пропаганда» — сравнительно долгое проживание в народной среде, которое позволило бы завоевать доверие в деревне. Раскольники заинтересо-